

Спецвыпуск

книжной серии

«Современники и классики». Выпуск 4

Московская литературная премия

Современники и классики

Коллектив авторов

**Спецвыпуск книжной
серии «Современники
и классики». Выпуск 4**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Коллектив авторов

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики».
Выпуск 4 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-00153-175-3

Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики». Авторы сборника являются номинантами Московской литературной премии.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-175-3

© Коллектив авторов, 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Валентина Астапенко	6
Живи, Снегурочка	7
Хрустальный лебедь	10
Мальш	12
Мышка-воришка	16
Зайчиха	17
Владимир Банцевич	19
О друге мадьяре	21
Побег	22
1. Сармат	22
2. Туман	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Коллектив авторов
Спецвыпуск книжной серии
«Современники и классики»
Выпуск 4

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Валентина Астапенко

Родилась 6 января 1950 года. Пишет с 1982 года. Член Городского литобъединения им. Ю. Аксаментова, член Интернационального Союза писателей.

Издала сборники стихов: «Подснежник», «Вот такие мы» и книги прозы «Далеко ли до счастья», «Помоги ему, Господи», «Стёпа Буркин» и «Хрустальный лебедь». Участвовала в сборниках «Сказки из Сибири» по программе «Неформаты-2014» и «В мире сказок и легенд – 2014».

Публиковалась в журналах: «Российский колокол» (Москва), «Первоцвет», «Сибирь», «Сибирячок» (Иркутск), «Северо-Муйские огни», «Чешская звезда».

Участвовала в международных литературных конкурсах.

Живи, Снегурочка

Равнодушию – бой!
Девиз пионерского отряда 3 «Б»

...Потемнел снег. Днём стало пригревать, но по утрам и вечерам было ещё морозно. Приближалась весна. Дед Мороз и Снегурочка коротали свои последние деньки у школьного крыльца.

Валерия Викторовна, учительница третьего класса «Б», взявшись за ручку двери, случайно взглянула на снежные фигуры. То, что она увидела, было ужасным... А мимо шли и бежали ученики. Спешили учителя. И никому никакого дела не было до этого...

Учительница по привычке быстро открыла кабинет, разделась и стала готовиться к уроку, а перед глазами всё ещё стояла она, бедная Снегурочка. Прозвенел звонок.

– Одну минутку, ребята. Я шла сейчас на работу...

Дети шумно сели. На подоконник приоткрытого окна уселась любопытная птаха и деловито спросила: «Чечевица есть? Чечевица есть?»

Класс молчал. Молчала и Валерия Викторовна. Она крепко сцепила пальцы рук, а затем нервно потёрла ладони. На её щеке выступили красные пятна. Это означало, что она, их любимая учительница, чем-то очень расстроена.

– Вы не заметили, что с нашей Снегурочкой случилась беда? – После этих слов все ребята, как один, повернулись, чтобы посмотреть на Лизу Смолину. Валерия Викторовна знала, что ребята прозвали тоненькую, как балерина, девочку Снегурочкой за белое личико, за косу соломенного цвета и ярко-голубые глаза. Учительница уточнила:

– Со снежной Снегурочкой около школы... И поднялась же рука у кого-то... Это был не человек – это был... зверь! – Её голос дрожал, а грустный вопрошающий взгляд серо-голубых глаз поочерёдно останавливался на каждом, ожидая ответного чувства.

– Нэт, нэ зверь... – донеслось с последней парты. Это глухо отозвался новенький, недавно приехавший с далёкого Кавказа.

– Что-что, Самир? Повтори, пожалуйста.

– Нэт, нэчегО... – замотал он кудрявой головой и, похлопав пушистыми ресницами, сконфуженно опустил глаза.

Тишина была недолгой. Вдруг загалдели все враз, каждый что-то горячо предлагал, но что именно – не разобрать. Шум нарастал.

Неугомонная птаха ещё раз попыталась задать свой единственный вопрос, но, испугавшись, выпорхнула на волю. Класс гудел, а Валерия Викторовна терпеливо ждала, не мешая ребятам. Наконец все затихли, и тогда она заговорила почти металлическим голосом:

– Командир Ивашов, твоё мнение.

– Я думаю... – вышел из-за парты коренастый светлоголовый мальчишка. Он возбуждённо, но довольно рассудительно, как и подобает настоящему командиру отряда «Непобедимые», провозгласил своё решение: – Я думаю, нужно сегодня же ночью тайно пробраться к школе и исправить положение.

– Отлично, Коля. Допустим, так. Но с некоторой поправкой: не ночью, а часиков примерно в семь вечера. Нас никто и не заметит в это время. Возьмите пару вёдер и лопатки. Да... наденьте, если есть, тёплые перчатки, а я постараюсь найти резиновые. Наш разговор, – учительница приставила указательный палец к губам и перешла на полусёпот, – держать в строжайшем секрете.

... Вечером повалил снег, мягкий, большими хлопьями, словно пух из огромной, во всё небо, вспоротой подушки. Валерия Викторовна, взяв за руку трёхлетнего сынишку Лёвушку,

поспешила к условленному месту сбора заговорщиков. Пятилетняя дочка Иринка бежала рядом, попутно изучая все кустики и ямки. В школьном саду, как в сказочном лесу, уже мелькали между деревьями таинственные тени.

– Добрый вечер! Как настроение? – почти шёпотом произнесла учительница.

– Бодрое! – за всех ответила так же тихонько Лиза Смолина.

– Лизавета! – ахнула учительница. – Это что такое?! – И, нахмутив брови, строго взглянула на неё. – С ума сошла, в такую даль прибежала! Давно ли ты болела? Немедленно отправляйся домой. И без разговоров!

– Валерия Викторовна, ну, пожалуйста... я минут десять побуду, не больше.

Её огромные глаза на круглой мордашке, не мигая, умоляли не отказывать в просьбе и словно выворачивали душу учительницы наизнанку. Почему-то до смешного было жаль это создание, маленькое, хрупкое, но уже способное совершать поступки, достойные уважения.

– Ладно, только десять минут... – сдалась-таки Валерия Викторовна.

Подбежали мальчишки, до этого игравшие в догонялки и напрочь забывшие о конспирации. Увидев её, удивились:

– Ой, какая вы!

– Какая?

– Какая-то не такая... Вы всегда нарядная и красивая, а сейчас – в ва-а-а-ленках...

– В мужской шапке и куртке-е-е... – нараспев описывали её дети.

– Я же не на урок пришла, – рассмеялась Валерия Викторовна. – Кстати, мальчишки, а Самира не видели? Жаль, опять его нет...

– Я здесь! Здесь я! – задохнувшись от волнения, торопливо и радостно выпалил новенький где-то рядом. Всегда аккуратненький, прилизанный, приглаженный своей заботливой мамочкой-домохозяйкой, он частенько отлынивал от общих дел класса. Вот отчего учительница сейчас довольно улыбнулась.

Она вынесла из школы два ведра воды, и вся компания дружно двинулась к месту происшествия. Дети плотным кольцом обступили Деда Мороза и Снегурочку. Обезобразена была только фигурка девочки из снега: на месте головы торчал острый кусок льда.

– Бедненькая... – пожалела её Маша Петрова, и на глаза девчушки даже навернулись слёзы.

– Ничего, это дело поправимое, – сказала учительница. – Ребята, кто в тёплых перчатках, разбирайте и надевайте поверх них резиновые. Я принесла сколько смогла. Ну а теперь, друзья, вперёд!

И работа закипела.

Валерия Викторовна суетилась больше других, то и дело поправляя сползающую на глаза шапку, и требовала, как хирург на операции:

– Воды! Снега! Лопату!

Ребята наперебой предлагали свою помощь. Самир, который пришёл в рукавицах, вопреки запрету классной руководительницы пытался лепить голыми руками. Валерия Викторовна устала отгонять его от вёдер с мокрым снегом. Ледяная вода обжигала кожу. Стиснув зубы, он отогревал замёрзшие руки горячим дыханием и продолжал трудиться.

У ребят покраснели щёки, волосы под шапками взмокли. Каждому хотелось быть участником общего, очень важного дела.

И надо же – чудо произошло! Вот она, Снегурочка, стоит, как и прежде, чуть наклонив головку и приветливо поднимая ручку. Теперь она казалась ещё красивее, ещё роднее, что ли...

Поправили и чуть подтаявший бок Деда Мороза. А снег падал и падал, ласково укутывая тёплым пледом и снежного деда, и его внучку.

Вроде бы всё уже сделали, даже взяли в руки каждый свою лопатку или ведро, но расхотеться по домам не было сил: как зачарованные любовались они своей работой. А на счастливых лицах ребят Валерия Викторовна читала: «Живи, Снегурочка!»

– Ребята, сегодня мы потрудились на славу. Молодцы! Особенно отличился Самир. Давайте завтра напишем о нём в школьную стенгазету... как о лучшем бойце нашего отряда! Согласны?

– Да! – не раздумывая отозвались дети.

Но отчего-то герой дня, сдерживая слёзы и путаясь в словах, произнёс:

– Нэ надо в газету... – и, громко всхлипнув, добавил: – Это... я... я Снегурочку... палкой...

Все, словно онемев, застыли на месте и только изумлённо глядели на новенького.

– За... за что-о-о? – поперхнувшись, осипшим голосом едва вымолвила Валерия Викторовна.

И тут Самира будто взорвало: в истерике он закричал, никого не стесняясь:

– Лиза... Лиза Смолина нэ захотела сидеть со мной за одной партой... Она дружит с Ивашовым... Она же Снегурочка... И я как дал ей по голове...

Захлёбываясь от рыданий, он попытался мёрзлыми рукавицами вытереть слёзы, но, поняв, что это бесполезно, стряхнул их с рук.

Мальчик замолчал. Но вдруг опустил голову и глухим голосом заговорил снова:

– Я плохо сделал: девочек бить нэльзя. Дома я сам расскажу об этом. И пусть папа меня накажет.

Валерия Викторовна подошла к нему, по-матерински ласково прижала к себе и, успокаивая, сказала:

– Всё будет хорошо, не плачь... Только больше так не делай.

К ним несмело подошла Лиза, сняла свои пуховые перчатки, тёплыми ладошками обхватила его непослушные пальцы и прошептала чуть слышно:

– Я знаю, ты хороший... Хочешь, я не буду больше дружить с Колей Ивашовым? Хочешь?

Самир посмотрел на девочку заблестевшими глазами, облегчённо вздохнул и прошептал:

– Да, Снегурочка!

Хрустальный лебедь

Катюшкины родители купили квартиру в новом районе.

Однажды мама, придя из больницы, прямо с порога сообщила:

– Представляешь, Катюха, врач, у которой я только что была на приёме, наша соседка по площадке. Её дочка Надя, кстати, тоже пятиклассница. Сходи, познакомься. Но... но она – слепая. Слепая от рождения.

– Что? Слепа-а-я?! Как, и совсем даже ничегошеньки не видит? А как же она в школу-то ходит?

– Вот и узнаешь – как. Надя приедет из интерната в субботу.

Катюшке просто не терпелось встретиться с необычной девочкой. И вот наконец-то она несмело позвонила в соседнюю квартиру.

– Кто там? – послышался детский приятный голосок.

– Это я, Катя, соседка. Можно к тебе?

Дверь приоткрылась. У порога стояла светловолосая девочка с аккуратно заплетёнными косичками, в красивом розовом халатике и тапочках такого же цвета. Глаза её были полузакрыты и смотрели куда-то в сторону.

Подошла Надина мама, молодая и очень симпатичная, поздоровалась и, улыбнувшись, пригласила:

– Проходи, пожалуйста, в детскую.

Катя удивилась, что слепая девочка шла быстро, свободно и нигде не наткнулась на мебель. Всё было интересным здесь, в Надиной комнате.

– Это что на столе, какие-то карточки в пупырышках?

– Это мои задания на дом. Я пальцами провожу по точкам и читаю, а потом пишу.

– Как это? – растерялась Катюшка.

– Вот смотри, это – прибор металлический. В нём – клеточки. А в клеточках я пишу буквы точками.

– Чем? – опять не поняла гостя.

– Вот этим грифелем, толстой иглой с ручкой, и ставлю точки. В прибор вставляю толстую бумагу и пишу. У каждой буквы есть свой значок. Легко и просто.

– Фантастика! Ты меня научишь потом? Девчонки в нашем классе от зависти лопнут!... – Катины глаза всё больше разгорались. – Ой, а книг-то у тебя сколько, жуть! Да какие толстенные все! Можешь прочитать что-нибудь по этим пупырышкам?

– Конечно могу. – Надя на ощупь нашла нужную ей книгу, не торопясь раскрыла её и подушечками пальцев провела по строчке: – «Унылая пора, очей очарованье!» – бойко отчеканила она, гордая тем, что смогла удивить девочку.

– О, у тебя и мобильник? Он твой?

– Да. Это особый мобильный телефон. Я уже научилась и номера телефонов набирать, и эсэмэски отправлять.

– Классно! А в школе чем занимаетесь, кроме уроков?

– У нас много кружков: труда, изо, физо, хор, вокал. Да полно всяких разных...

– А ты?... – не договорила Катюшка. – Ой, на полке у тебя игрушка красивая...

– Это приз за лучшее исполнение песни. Хрустальный лебедь.

Надя бережно взяла его, и он уместился в её ладонях, как в гнёздышке. Девочка ласково огладила фигурку птицы со всех сторон и аккуратно поставила на место.

С этого момента гостя не сводила зачарованных глаз с хрустального лебедя. Он весь переливался и как будто купался в солнечных лучах. Катюшка очень любила редких птиц и

собирала о них всё: картинки, книжки, диски. Даже статуэтки есть... Среди подаренных – и лебедь, но чуть больше Надиного, из белого фарфора.

– Ну, ладно, девчата, давайте чай пить, – пригласила хозяйка дома.

А Надя ловкими движениями достала посуду из серванта и накрыла на стол. Мама помогла ей разлить чай, поставила блюдо с печеньем и конфетами и с улыбкой сказала:

– Не стану вам мешать, общайтесь, а я буду на кухне.

Девочки ели молча, не зная, о чём ещё поговорить.

– А у тебя есть подруга? – спросила осторожно Надя.

– Нет, подруги нет. Есть, правда, дружок Алешка Игнатов. Мы с ним на «камчатке» сидим, на последней парте. Он вообще-то классный мальчишка, только вот курит.

– Ку-у-рит?! Он разве не знает, что это очень опасно? Если каждый день выкуривать двадцать сигарет, то за двадцать лет в лёгких отложится до шести килограммов сажи! Да ещё получишь радиационное облучение. Представляешь, каким станет человек: зубы жёлтые, гнилые, всегда кашляет, изо рта – вонища.

– А ты откуда знаешь? – изумилась Катя.

– Я по радио слышала. У нас дома радио никогда не выключается.

– Ну а телевизор как же?

– И по телевизору слушаю интересные передачи.

– ЗдОрово!

Чай допили, убрали со стола. Пора и домой. Гостья бросила прощальный взгляд на хрустального лебедя. И в этот момент ей показалось, что он стал ещё прекраснее. Нет, это не просто лебедь, а царевна Лебедь! Она, как магнитом, всё больше и больше притягивает к себе... Рука потянулась навстречу...

– А ты... – несмело вдруг начала Надя. От неожиданности её новая подружка отдернула руку, словно обожглась. Катюшке даже показалось, что незрячая девочка увидела её жест. Но та как ни в чём не бывало договорила: – ... а ты ещё придёшь ко мне?

У Кати перехватило дыхание, и она почти прошептала:

– Ну конечно же приду, – сказала, а влажная от волнения ладошка уже ощутила приятную прохладу хрустальной фигурки и ни за что не захотела с нею расставаться...

Катя долго не могла втолкнуть ключ в замочную скважину: руки тряслись, сердце громко стучало. Наконец дверь открылась: значит, мамы нет дома. Она влетела в детскую, дрожащей рукой осторожно поставила хрустального лебедя рядом с белым фарфоровым и залюбовалась ими: они были словно сказочные – царевна и царевич!

Вдруг – звонок в дверь! Девочка по привычке поспешила в коридор, но сделав несколько шагов, остановилась и словно оцепенела. Постояла немного... Звонок не повторился. И только сейчас до неё дошло, что совершилось страшное: она украла. «У-кра-ла! Так, значит, я воровка?!» Сердце заколотилось так часто, что казалось, вот-вот захлебнётся. От нахлынувшего стыда запыхало лицо. Схватив чужую вещицу, заметалась по комнате, не зная, что теперь с ней делать. «Надя, наверное, уже ищет... вместе с мамой... Вернуть! Обязательно вернуть! Сию же минуту поставить на место... незаметно! Никогда, никогда больше... А Наде подарю... подарю... да вот хотя бы этого...»

Катя схватила своего любимого лопухого зайца Степашку, затолкала его в сумочку вместе с хрустальной статуэткой, выскочила на площадку и потянулась к кнопке звонка, но тут же попятилась назад, на мгновение замерла, потом резко подалась вперёд и, зажмурясь, позвонила...

Мальш

Как-то летним вечером я возвращался домой от приятеля. Неожиданно за углом пятиэтажки раздался ужасающий визг. Внутри у меня всё оборвалось. Не помня себя, кинулся на этот зов.

Во дворе около кустов акации двое мальчишек натравливали взрослую собаку на щенка:

– Барон, фас его, фас!

– Санька, да не так же: голос должен быть жёстким, уверенным, а ты мямлишь, как слюняй!

У «дрессировщика» Саньки тряслись руки и дрожал голос. Его дружок обозлился и выхватил поводок:

– Смотри сюда и учись! Барон, кому сказал, фас его! Фас! Р-р-р! – и подтолкнул кобеля к жертве.

А малыш уже не визжал, а только жалобно поскуливал, сжавшись в комочек. Меня точно захлестнуло горячей волной:

– Эй, пацаны, вы что творите, а?!

– Не твоё дело, проваливай!

– Ах, не моё дело?! – взорвался я и пулей отскочил от них в надежде отыскать что-нибудь подходящее для атаки.

Недалеко валялась сломанная ветром тополиная ветка внушительных размеров. Я ураганом набросился на пса и мальчишек. Компания молниеносно испарилась.

А собачонок, оценив мою поддержку, вдруг осмелел и, смешно оскалив зубки и даже зарычав, помчался вдогонку за обидчиками. Впрочем, он очень быстро вернулся. Колени у меня подкашивались, и, пытаясь успокоиться, я присел на скамейку. Пёсик прижался к моим ногам и взглянул снизу вверх умными глазками. Осторожно взяв его на руки, прижал к себе и почувствовал, как бьётся маленькое сердечко. И тут я с горечью осознал, что не смогу взять найдёныша с собой: родители ни за что бы не согласились: живём в тесноте, прыгаем друг через друга.

– Ну, шагай, глупышка, беги домой. Тебя, наверно, уже заждались.

Он замер на месте и не отводил от меня тревожного взгляда.

– Ладно, пошли, что-нибудь придумаем. Мальш, рядом!

Тот послушно выполнил команду.

– Ого, да тебя уже учили... Ах, ты мой хороший! Вперёд, Мальш!

У дверей подъезда я остановился. Придумать ничего так и не удалось, и щенок остался на улице. Было невероятно стыдно перед ним.

Дома я застал родителей перед экраном телевизора, прошёл в кухню, добыл кое-что съедобное для моего подопечного и вышел на улицу. Мальш терпеливо ждал меня на прежнем месте. Махом проглотив сосиску и кусок хлеба, лизнул мне руку. Я понял, что мы теперь друзья навсегда.

Вскоре домашние узнали о моей тайне.

Поздней осенью я сильно простудился и попал в больницу. Принимал процедуры, ел, спал, но мои мысли всегда возвращались к Мальшу. Попросил ребят во дворе подкармливать его.

Однажды вечером в палате появились мои родители, и я в первую очередь нетерпеливо спросил:

– Как там Мальш?

– Ничего... бегаёт, – уклончиво ответила мама и переглянулась с отцом.

Я перехватил их взгляды и заподозрил что-то неладное:

– Что с ним?

– Да всё нормально, Серёга! – поспешил успокоить отец.

На следующий день меня пришёл навестить дружок и прямо в дверях, сделав большущие глаза, сообщил паническим голосом:

– Малыш исчез! Мы уже всё обыскали – нет его!

Я готов был тотчас же сбежать из больницы, но вовремя одумался: ведь уже завтра я буду дома!

Утром другого дня вошли в палату мои сияющие родители:

– Серёжа, у нас для тебя... – начала мама с загадочной улыбкой, и они хитренько переглянулись, – сюрприз! Мы наконец-то получили двухкомнатную квартиру! Сейчас поедем прямо туда.

Меня словно ударили по голове. Я всю дорогу уныло смотрел в окно автобуса и молчал.

Но главный сюрприз ожидал меня уже на пороге нового дома: за дверью с радостным лаем рвался в мои объятия... Малыш!

* * *

Прошло несколько лет. Я уже поступил в институт и стал подрабатывать сторожем в одной конторе. Моим неизменным спутником всегда был Малыш. За это время он превратился просто в красавца. Мощная широкая грудь. Крупные лапы. Превосходная осанка. Умные глаза, ревниво следившие за каждым моим движением. Мы с ним частенько захаживали в наш офис и днём по разным делам. Приятно было ловить восхищённые взгляды сотрудников, откровенно любовавшихся статной воспитанной овчаркой.

Мой питомец с первых же дней знакомства быстро нашёл с ними общий язык. Особенно ему приглянулся директор, у которого Малыш брал еду с ладони. Правда, вопреки строгим правилам дрессировки, пёс угощался втихую за моей спиной.

Случилось нам однажды мимоходом заглянуть в фирму. Там что-то бурно обсуждалось. Нас тотчас же обступили и подняли невразумительный галдёж.

– Слушай, – обратился ко мне мой сменщик, – я сегодня не смогу выйти на дежурство. Будь другом, подмени...

Но его уже перебили:

– Да кроме тебя, больше и некому! Ты же днём сегодня отдыхаешь...

– У тебя – собака! С таким сторожем всю ночь дрыхнуть можно...

Я согласился. Под вечер мы с Малышом заступили в «ночное». Как только стемнело, я погасил свет и задремал на диванчике, доверившись своему помощнику. Разбудило меня непонятное чувство тревоги. Всё было тихо, но я ощутил какое-то движение за окном. Мой четвероногий охранник никаких звуков не подавал, но я всё же направился к чуть светлеющему проёму. В комнате был густой мрак, однако за окном при слабом лунном свете кое-что можно было разглядеть. Я вплотную приблизился к раме и вдруг отпрянул, увидев приплюснутый к стеклу чей-то нос и чьи-то глаза. По моей спине пробежал неприятный холодок. Нос и глаза отлипли, и еле различаемая человеческая фигура двинулась к другому окну. А я всё стоял, не в силах шевельнуться. Наконец вспомнил о Малыше: «Где же он? Куда девался? Не мог же он так беззвучно...» Не соображая толком, что делаю, я метнулся к выключателю.

Первое, что увидел при свете, – это проплывающий мимо меня хвост моей собаки. Она совершенно спокойно, следом за злоумышленником по ту сторону стены передвигалась к соседнему окну. Я никак не мог объяснить себе это дружелюбное помахивание хвоста и растерянно смотрел на своего друга, который всегда казался таким верным...

Из оцепенения меня вывел стук в окно и громкий голос:

– Серёга, ты спишь, что ли? Давай ключ от гаража – мне выезжать надо!

Всё ещё на ватных ногах, я с трудом пришёл в себя. Впустил шефа и пошёл за ключом. Когда вернулся, тот непонятно чему улыбался, а Малыш вкусно облизывался и смотрел на меня невинными и, как всегда, преданными глазами. Как же я мог усомниться в своём друге!

* * *

Однако ещё не один раз мне довелось убедиться в верности Малыша, но при этом и крепко поволноваться. Обычно после работы мы любили погулять на природе. Однажды, забравшись в самый дальний уголок парка, я присел на скамейку в тенёк, заслуженно предоставив своему псу полную свободу действий. Он, по обыкновению уткнув нос в траву, с увлечением принялся вынюхивать и исследовать что-то известное всему собачьему миру.

Внезапно Малыш прекратил свою следопытскую работу и настороженно стал к чему-то прислушиваться, устремив взгляд в особенно густые заросли.

Там его что-то заинтересовало. Вдруг он встрепенулся и как-то весь подобрался, не подоброму напрягся, шерсть на загривке начала дыбиться. Я сначала не мог понять, в чём дело, затем уловил непонятный шум. Сквозь густые ветви блеснули затемнённые стёкла очков на носу худощавого подростка. Тот за кем-то гнался. Слышно было только собачье повизгивание. Малыш напрягся, присел на передние лапы и стал ими нервно перебирать. И тут он ринулся по направлению к шоссе. Я еле-еле поспевал за ним и вскоре увидел малюсенького щеночка, который беззаботно семенил к дороге. Машины мчались сплошным потоком. Мой пёс выразительно посмотрел мне в глаза, словно ожидая разрешения, и ринулся к собачке, но та уже была почти на обочине. Какой-то лихач гнал свой автомобиль и, видимо, только что заметил щенка. Я просто остолбенел. Отвратительно завизжали тормоза, резанув тем самым меня, кажется, не столько по ушам, сколько по самому сердцу. Я непроизвольно зажмурился и затаил дыхание, представив жуткую картину... Но уже через мгновение вытер пот со лба влажной ладонью и попытался сообразить, как прийти на выручку щенку. Проезд для транспорта немедленно застопорился, и вразной раздалось нетерпеливые гудки. Однако животные всё ещё продолжали мельтешить между колёсами. Наконец, изловчившись, Малыш схватил незадачливого хвостатого пешехода за шкуру и поспешил ко мне. Я обнял «спасателя» и от избытка чувств, не сдержавшись, поцеловал его.

А в это время подбежала молодая женщина, таща за руку плачущую девочку лет примерно двух. Мамаша, оставив её, быстро подняла на руки скулящий комочек и крепко прижала к груди.

– Какая прекрасная у вас овчарка... – едва отдышавшись, обратилась ко мне мамочка, но, обернувшись туда, где только что стояла дочка, вдруг потеряла дар речи. Воспользовавшись моментом, девчужка подошла к Малышу с явным желанием погладить по голове «добрую собачку». У меня по спине пробежали мурашки: ручонка малышки была в его раскрытой пасти. Ещё до того, как я собрался оттолкнуть девочку от пса, он уже лизнул её пухленькую ручку, а она ласково обняла его за шею.

Но то, что произошло дальше, просто повергло меня в шок, какого я не испытывал ещё никогда. Мой умнейший и добрейший Малыш вдруг пустился догонять преследователя, затем, опередив его, развернулся волчком и в стремительном прыжке бросился на юношу. От неожиданности тот опрокинулся навзничь, а пёс, опустившись рядом на задние лапы, передними упёрся в грудь поверженного и грозно зарычал. Охваченный ужасом, я помчался к ним. Парень лежал неподвижно, но был в полном сознании. Очки отлетели далеко в сторону. К моему удивлению, его взгляд выражал не страх, не злость и не возмущение. Пострадавший смотрел... виновато. И мне показалось, что я уже где-то видел этого молодого человека раньше. О, вспомнил! Он ведь тот самый «собаковод», из рук которого мне пришлось года три назад вызволить Малыша. Парень не мигая смотрел на могучего мстителя, потом заикаясь проговорил:

– Ну, всё... ххорош... ххорош!

Мышка-воришка

Рассказывают, будто где-то в лесу жила очень жадная мышка. Однажды наготовила она себе столько запасов, что не на одну зиму хватило бы. Чего только не было в её кладовой: и семена трав, и зёрна с полей, и даже кедровые орешки!

Но мышке-глупышке и этого было мало. Стала она прикидывать, чем бы ещё поживиться. Думала-гадала, думала-гадала, и вот что взбрело ей на ум. Хорошо бы подглядеть, куда белка прячет свои заготовки да что у бурундука плохо лежит.

Высмотрела – и ну таскать не своё добро! Понравилась мышке-воришке лёгкая добыча.

Долго ли, коротко ли обирала она соседей, но терпение у них лопнуло наконец, и пошли они жаловаться самому хозяину:

– Батюшка филин, утихомирь ты норушку, житья от неё никакого. Крадёт всё что ни попадя!

А мышка тем временем забила натасканным не только кладовую, но и гнездовую комнату. Так что самой-то хозяйке и места не осталось. Оказалась она в сумерках под открытым небом. И вот ночью выследил неразумную мышку остроглазый филин...

Тут бы и сказке страшный конец, да взмолилась бедная мышка:

– Пощади, батюшка филин, не губи! Верну я то, что брала у белки и бурундука да ещё в придачу половину своего отдам. У меня его видимо-невидимо!

Согласился ночной охотник, отпустил пленницу, но зорко стал следить за каждым её шагом. Поняла хитрая мышка: надо выгребать сокровища, ведь что ни говори, а жизнь-то дороже! Освободила она гнездовую комнату да скоренько и закрылась на крючок. Притаилась и сидит ни жива ни мертва: хорошо запомнились его когтистые лапы.

С тех пор, говорят, стала она умней и чужого не берёт.

Зайчиха

Весной родились у зайчихи детёныши. Она любовалась своими малютками и гордилась ими. Детки были все как на подбор: глазастые, крепенькие, покрытые тёплой шерсткой. В таких шубках они не замёрзнут и оставлять их в траве под открытым небом будет не страшно.

Уткнулись зайчата в белое тёплое брюшко, чмокают вкусное жирное молочко, которого им хватит на целых три-четыре дня. Они тихонечко просидят под кустиком в ямке и здесь дождутся своей кормилицы.

Насытив и приласкав своё потомство, зайчиха убежала подальше от этого места, чтобы не привлекать к нему когтистых и зубастых недругов: ястреба или ворона, рыжую плутовку или рысь, волка или собаку.

Днём зайчиха отдыхала, как обычно, в траве под кустом, опасаясь искать корм ранее сумерек.

...Мальши подрастали. Проголодавшись, они начинали передвигаться, оставляя лапками пахучие следы. По этому запаху мать и находила детёнышей. Каково же было её удивление, когда однажды нашла она их уже накормленными! Видимо, позаботилась чья-то сердобольная мамаша.

Через неделю у детёнышей появились зубы, и малыши с удовольствием принялись грызть всё, что попадалось. Далеко они не разбредались, чтобы не угодить в чьи-нибудь лапы. Зайчата следили за коротким хвостом матери, вернее, за белым пятном снизу на хвосте и не теряли её из виду.

Умная мать терпеливо обучала их самостоятельности: находить корм, бояться всякого шороха и прятаться при появлении врага. Так они набирались сил и опыта.

А недавно зайчихе пришлось скрываться от собаки. Ненавистный ей пёс почуял знакомый запах, восторженным лаем сообщил об этом хозяину и помчался к её беззащитному семейству.

Зайчиха замерла от страха за своих детёнышей. Раздумывать было некогда. Она до отказа напрягла тугие мышцы и с такой силой оттолкнулась, что в один момент приземлилась далеко от зайчат. Пытаясь обмануть преследователя, она тщательно и очень быстро начала запутывать следы. Спрятавшись в зарослях ивняка на окраине болота, почувствовала облегчение и стала постепенно успокаиваться, не забывая при этом чутко слушать тишину.

Зайчиха полюбила это тихое место, оно стало главным её прибежищем в опасности. Кроме безобидных голосистых пташек и лягушек здесь редко кто появлялся. Её спина, покрытая короткой сероватой шерстью, почти сливалась с землёй. Зайчихе нравилось подолгу смотреть на кочки, особенно со щетиной свежей травы. Они, как огромные зелёные ежи, казалось, плавали по болоту.

Прошло трое суток. За это время зайчиха перебрала в своей цепкой памяти суровые уроки мудрой матери, которая умела уводить охотников от своих детёнышей. Она притворялась раненой, стучала лапами и всячески пыталась обратить на себя внимание... И вспомнился зайчихе ещё один случай. Как-то зимой чуть не пришлось ей самой встретиться с собакой лесника. Пёс, почуяв зайца, радостно прогавкал, очумело покружил на одном месте и стремительно бросился по следу.

Зайчиха уловила этот звонкий лай длинными подвижными ушами, белыми с чёрными кончиками, которые то и дело поворачивались во все стороны. Она отчаянно начала метаться. Задние ноги у неё длинные, лапы обросли шерстью, оттого удалось ей сделать несколько больших прыжков вперёд по рыхлому снегу, вернуться назад по своему же следу, потом далеко скакнуть в сторону. И вот уже новый рисунок. Попробуй теперь его разгадать!

На этот раз удалось ей уйти в дальний лес. К ночи её тревога улеглась, и при свете луны она без опасения проложила прямые следы, сделала себе удобную ямку в снегу, влезла в неё задом и расслабилась. В ушах звенела тишина. Небо затянуло белой пеленой, пошёл снег хлопьями. Пора встать и поужинать. Благо, рядом молодые осинки и берёзки. Их веточки и кора вполне сгодятся.

Зайчиха принялась неумоимо прокладывать прямые следы. Теперь она стала осматрительнее и уходила всё дальше и дальше. Её сильные лапы умело вывязывали причудливые узоры на белоснежных скатертях полян и лощин...

Всё это уже было, а теперь – надо возвращаться к малышам. Очень хотелось зайчихе скорее насладиться встречей с родными пушистыми комочками. Оставаться в неведении стало невмоготу. Охваченная порывом нежности к ним, она выбралась из-под густо разросшегося куста жимолости, широко зевнула и с удовольствием потянулась.

Осторожная зайчиха не спешила напрямик добраться к своему беспомощному потомству. Петляя по зарастающим вырубкам и гарям, с трудом, но нашла дорогие её сердцу пахучие следы.

Вот они, её глупенькие детки – все на месте, разморило их на припёке, и лежат себе смиреннько. Сынок Засоня крепко спит, Длинноножка прислонился к нему, вытянувшись во всю длину тельца. Вислоушка лежит рядышком, сквозь дрему почесала за ушками и затихла. Неугомон аккуратненько сложил ушки на спинке и был такой милый, пока никого не трогает. А Смыслёнш внимательно наблюдал за насекомыми, снующими среди травы.

Почувяв приближение матери, зайчата зашевелились. Зайчиха ещё не успела перевести дух, как вдруг прямо над ней появилась подозрительная тень. Это был ястреб, камнем падающий с неба. Он давно уже зорко следил за быстро двигающейся серой фигуркой и ни за что не хотел отказываться от сытного обеда.

Да не тут-то было! Зайчиха отругала себя за нетерпение («Ведь могла же дожидаться темноты!») и отпрянула назад от закопошившихся зайчат. Она поняла безнадежность своего положения, но всё-таки решилась принять вызов неприятеля.

Тело её напряжилось, она сделала невероятной силы прыжок, опрокинулась на спину и первой нанесла мощные удары сильными задними лапами, пытаясь достать глаза противника, горящие бешеным красно-коричневым огнём. Но удалось ей только повыщипать «брови» ястребу, выдрав часть белых перьев.

Старый разбойник обладал тоже внушительным оружием – крепкими лапами и когтями.

Услышав материнский сигнал тревоги, зайчата догадались, что произошло что-то ужасное, и довольно проворно, хотя и бестолково натыкаясь друг на друга, стали прятаться в самой гуще кустов можжевельника. Они затаились там, тесно прижавшись друг к другу.

Чем завершился бы этот поединок, неизвестно. Вероятнее всего, победой хищника. Но отважную зайчиху неожиданно спас торжествующий лай ненавистного ей пса. Невдалеке раздался оглушительный выстрел, и ястреб, недовольный тем, что ему помешали, взмахнул широкими серыми крыльями и оставил свою жертву в покое.

Владимир Банцевич

Получил образование в РХУ им. М. Б. Грекова. В 2005 году окончил Ростовский педагогический Университет.

Первая книга была издана в 1998 году. Это было издание для детей – «Волшебное лукошко»

С 1998 по 2018 гг. вышло более 40 публикаций в СМИ Дона и Республики Беларусь. Участвовал со стихами и прозой в альманахе «Южная звезда».

В 2010 году увидела свет книга «Историческая повесть для детей об истории», дополненная ещё двумя изданиями: «Тайна богатого колодезя».

С 2003 по 2018 гг. являюсь шеф-редактором этнокультурного и литературно-художественного альманаха белорусов Дона и Председателем Ростовской региональной общественной организации «Союз белорусов Дона».

Сейчас готовятся к изданию книга «Донские истории» и книга на белорусском языке – «Заповедь язычника».

Последние 20 лет работаю художником-педагогом в дополнительном образовании с детьми, даю подрастающему поколению путёвку в жизнь. Награждён Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации; медалью Губернатора Ростовской области «За доблестный труд», медалью Всевеликого войска Донского «За возрождение Донского казачества».

Ветеран труда Ростовской области.

О друге мадьяре

Мне жизнь беспощадно удар за ударом
Бьёт в переносицу, а то и под дых.
Но мне б еще раз с моим другом мадьяром
Запутаться паленкой в прядях седых.

Взываю к судьбе: не гони безвозвратно
Ты в пропасть лихую хромого коня,
Я хоть не наездник, но все же приятно,
Что дух молодца не оставил меня.

Я, челюсти стиснув до боли, упрямо,
В баранку согнув одиночества кол,
Стараюсь по землюшке следовать прямо,
Трудиться ни много ни мало как вол.

А что рассуждают и блеют о жизни,
Мой друже, вниманья не стоит и грош.
Един верен час – судный час нашей тризны,
Там встанут на место: кто плох, кто хорош.

А мне б ещё раз с моим другом мадьяром
Запутаться паленкой в прядях седых,
Забыться беспечным и бравым угаром
И песнь загорланить о нас молодых.

Побег

1. Сармат

Сармат встал в бойцовскую позу и пристально вглядывался в меня, будто раздумывая, с чего начать. Не смотрел, а именно вглядывался, словно буравя осинового цвета глазами мою сущность, при этом изучающе вертел головой. Он был коренаст и, угрожающе набывчившись, слегка покачивался, коварно поводя из стороны в сторону полуопущенным хвостом. Когда собака дружелюбна, то хвост поднят пропеллером, как бы выражая ее расположение, а здесь – наоборот. Эта поза не предвещала ничего хорошего. В некой степени успокаивала стальная цепь, свисавшая поблёскивающей струей с ошейника, отполированная временем и суровой действительностью. Однако даже этот факт не давал полных гарантий безопасности, так как явно несопоставимы были изделие рук человеческих и скрытая под широкой мускулистой грудью природная сила бойцовского, чистейшей породы стаффордширтерьера. Изучив меня, Сармат, будто слегка кланяясь, повел широкой головой слева направо, привычно захватил мощной челюстью внушительную говяжью кость, которая, по-видимому, являлась для него частично и тренажёром, так как он тут же стал отрабатывать на ней какие-то свои приёмы. От захвата его пасть, и без того довольно широкая, разомкнулась почти до ушей, превратившись в некую чудовищную улыбку.

Как этот пёс оказался здесь, среди хуторского житейского уклада? Возможно, по стечению обстоятельств, но скорее всего по принципу притягательности натур. Давно уже подмечено, что хозяева и их питомцы со временем становятся чем-то схожи. Хозяин Сармата, скульптор Дёмин, был натурой широкой, сурового на вид, но добродушного русского склада. Под потолок ростом, от этого слегка сутулая стать, натруженные руки, будто у робота, полусогнуты в локтях, всегда готовы что-то мять, ворочать, строгать или тесать. Брови козырьком не позволяли проникнуть в его пристальный взгляд. Но в том и состоял его природный феномен, что в тяжеловатом изучающем взгляде трепетали искорки доброты и дружелюбия.

Скульптор обитал на подворье старого казачьего уклада, где всё, несмотря на свою натурную старомодность и ветхость, было ещё достаточно добротным и основательным. Куплено им было это подворье вместе с небольшим куреньком и хозпристройками, а также с пятью десятинами земли, буквально за шапку сухарей, как иногда в народе называют дешёвые сделки. Плата – чисто символическая: хутор, что называется, вымирал и все это баснословное, по западным меркам, богатство никого не интересовало. И удивлялись живущие пока еще на хуторе селяне этому чудаку-скульптору, сбежавшему сюда, в эту захолустную Камышанку, от привлекательной многообразия и удобствами городской жизни.

Однако далеко не случайно оказался скульптор здесь, где когда-то прошло его детство. Он бежал сейчас из города точно так же, как когда-то, полвека назад, убегал отсюда в город за той самой птицей ярко воображаемого и, как оказалось позже, совершенно призрачного счастья. И сейчас, когда он жил вместе с Сарматом на этом подворье, у него было достаточно времени для осмысления всего своего бытия, как прежнего, так и настоящего. Было немало оправдательных объяснений всему этому, в том числе и чисто житейского плана, но всё это являлось скорее некой ширмой для окружающих. Истинная причина, наверное, всё же скрывалась где-то в недрах души, однако сильный дух подобно стражнику охранял то святое, что являло собой генетический код, неподвластный ни обстоятельствам, ни каким-либо материальным благам. И не для охраны завёл он себе этого экзотического четвероногого друга, охранять было в принципе нечего, да и не от кого. Скорее всего «охрана» эта была – от одиночества.

Звёзды свисали из небесной бездны большими мохнатыми гроздьями и светились необычайно ярко. Горожанину, оказавшемуся однажды под чистым от урбанистической атмосферы небом, это ночное состояние пространства было особенно непривычным, даже завораживающим, если, конечно, в его сущности обитала хоть небольшая доля романтической природы. Скульптор медленно продвигался в полумраке по улице хутора, не боясь оступиться. У него не было страха темноты: земля, до боли родная с детства, сколько он помнил себя, принимала его шаги бережно, по-матерински. Он шел почти не чуя ног, как в те вечера юности, когда под сердцем – птаха, а в голове – колокола. И, как ни странно, всё это как будто бы повторялось, но уже в этом, довольно преклонном возрасте. Что это – злая шутка или чудачество судьбы? Но он самым естественным образом следовал на свидание.

Семья, которую он когда-то в добрых надеждах и чаяниях пытался строить в городе, словно подчиняясь некой центробежной силе, отлетела от него как-то незаметно и безвозвратно. Дети выросли, обзавелись уже своими семьями, но счастья ему не доставили, хотя он существенно повлиял на их становление и образование. Они были равнодушны к его нынешней судьбе. Возможно, это плата за ошибки молодости, но не от них. Он прекрасно это понимал. Здесь очевидным был суд предков, непреклонный и справедливый. Скульптор принимал это как должное. Он никогда никому не сетовал на превратности судьбы. Прекрасный ваятель из природных материалов, он так и не сумел добротной изваять композицию собственной жизни.

Ему вдруг вспомнилось, как в юности, будучи в армии, он получил отпуск на побывку в родные края. Тогда была другая страна, в которой он родился и вырос. И он, дюжий сельский хлопец, попал служить не куда-нибудь, а в Москву, да ещё в кремлёвскую охрану. Правда, в те времена это особо не афишировалось, и потому на хуторе об этом узнали, только когда он прибыл в краткосрочный отпуск. Тогда в районном военкомате, куда он зашёл прямо с автобуса, произошёл курьёзный случай. Конечно, по роду службы одет он был достаточно необычно для солдата-срочника. Люди с интересом оглядывались на рослого, с тёмно-синими погонами и белоснежными аксельбантами рядового. Некоторые даже спорили о роде войск необычного на вид военнослужащего, оказавшегося в глубинке.

Подойдя к двери военкома, рядовой Дёмин привычными движениями привел себя в порядок, что называется к строевому виду, и, открыв дверь, уверенно шагнул в кабинет. Он, чеканя шаг, так громыхнул сияющими хромовыми сапогами, что из щелей деревянного пола выпорхнули фонтанчики вековой пыли. Упруго вскинув руку к козырьку фуражки, Дёмин гаркнул доклад о прибытии, от которого молодой лейтенант, и. о. военкома, вскочил как ошпаренный и, слегка ошарашенный экстравагантной формой вошедшего солдата, от растерянности тоже вскинул руку к голове без фуражки. После немой сцены лейтенант, оправившись, вдруг засуетился и пригласил рядового присесть, затем, схватив трубку телефона, стал куда-то звонить. Кончилось тем, что сам предисполкома лично на служебной Волге отвёз рядового Дёмина на его родной хутор, чем тоже основательно всполошил селян, пока они «не разобрались, що за важна птыця до их хутору загорнула».

– Дык вона Ивана хлопец прыбув з армей, яки справны, бильый ды гладкий, а хворма якась ганеральськка, ти шо? – шамкали друг другу бабули на завалинке.

Полвека назад было это время – юное и золотое. Он был будто необъезженный лихой скакун, рвущийся в жизненные просторы, где внутренним, генетическим чутьем ощущал тот вечный природный зов, который манит вдаль, ослепляя и дурманя свободой, наполняя грудь фантастической энергией, готовой выплеснуться ради одного, ещё не познанного и не испытанного состояния. Это потом станет ясно, что в первую очередь для продолжения рода своего. «Вечный зов» – так и называется скульптура, над которой он сейчас работает: молодой необъезженный жеребец, вытянувший куда-то вбок шею, задранный вверх голову так характерно для призывного ржания, что, если остановить на нём взгляд на некоторое время, и вправду может

почудиться молодое, с повизгиванием ржание мустанга, призывающего к себе из бескрайних степей кобылицу.

И вот сейчас, наделённый полной свободой и в пространстве, и во времени, он шёл, не думая о смысле устремления, подчиняясь скорее инстинкту бегства от одиночества. Месяц на небосклоне тонким серпиком указывал на ведро. И хотя на дворе сентябрь уже свершил свой извечный krok в Новолетие, всё пространство под низкими звёздами наполнялось почтилетней теплынью и первозданной благодатью. Скульптор неожиданно даже для самого себя остановился, будто наткнувшись на невидимое препятствие. Он не был суеверным, но косяк молодого месяца предательски шурился именно за левым плечом. Ему помнилось, как маманя в детстве считала дурной приметой первого молодика увидеть с левого плеча – «цельный месяц удачи не жди». А что, если Лидка подшутила да от ворот поворот жениху даст? Такой расклад ну никак не соответствовал ни его интеллигентному положению на хуторе, ни тем более возрасту. Было бы весьма несолидно проколоться сейчас, с его-то жизненным опытом.

А с чего всё началось? Он вспомнил, как одна, второго дня спозаранку, приключилась в его хозяйстве такая потреба – пригласить соседа-тракториста пахоту навести. В зиму огородцу надобен отдых под вольными ветрами да пуховыми снегами. Но вот закавыка какая: брать плату за пахоту со своих, местных, у механизаторов не принято, ну если только кой-чем. А это кой-что в лавке не бывает, потому как не тот смак в лавках продают. Да если бы только в смаке дело было – тут может попасться всякое зелье поганое, как в народе гутарят, можно за что бороться, на то и напороться. А трактористу, ясное дело, рисковать нет потребы, один он в хуторе. Вот, стало быть, за натуральный труд и натуральный продукт полагается.

Ну, что делать, наш скульптор, как стали величать его местные представительницы «СМИ на завалинке», на закате предпахотного дня, по определённой эксклюзивной информации, подался прямо к Лидке, которую он знал ещё с юных лет. В те времена она слыла хуторской красавицей, а он, как говорится, был ещё пацаном голопузым, но уже поглядывал на таких гарных дивчин.

Однако, когда он сейчас подошёл к её дому, чтобы раздобыть кой-чего, то намётанным глазом, возможно подсознательно, да ну что уж тут греха таить, зорким мужским оком оценил и фигурность, и комплекцию сидевшей под шелковицей на скамеечке Лидии Антиповны, или, по-хуторскому, Лидки. Он без труда чётко представил её обнажённой. И выходило, что, несмотря на её солидный возраст, Лидка не уступала Данае. Он, как художник-профессионал, мог отчетливо вообразить конструкцию любой фигуры даже под одеждой. А может, сработало ещё и шальное мужское воображение, выдающее представляемое за желаемое.

Лидия Антиповна, завидя приближавшегося Дёмина, как-то встрепенулась, одёрнула кофточку и немного сдвинулась, давая ему возможность присесть рядом. Она уже догадывалась, за чем пришёл «goneц». Опускаясь на скамейку, скульптор как бы невзначай коснулся локтем высокого бюста Лидки.

– Пятый. Не, наверно, шестой... – задумчиво сказал он.

– Да не, уже было семь. Начало осьмого, – поправила Лидка. – Коровы дома давно.

Скульптор внимательно и серьёзно посмотрел на Лидкин бюст:

– Не, вот тут пятый або шастой. – И при этом всей пятернёй сделал замер.

– Ох!.. – звонко выдохнула Лидка, хватая его руку, однако не отводя. – Ну и бесстыдник!

А як люди увидють?

А сама, зардевшись, уже понизив голос, спросила:

– А как размер угадал?

– Дык работа у меня такая, сама знаешь, – наклонившись ближе, на ухо шепнул Дёмин. –

В гости пустишь?

– Что ты, что ты! – замахала руками Лидка, ещё больше зардевшись, оглядывая в обе стороны улицу. – У людей на виду сидим. Счас вынесу потребу, а в гости придешь в други раз, бо я и сама... давно ты мне нравишься. – И она резко поднялась. – Я счас буду.

Скульптору уже вольно или невольно, скорее профессионально-машинально, пришлось ещё раз оценить в движении фигуристость Лидки, что называется вскользь, интеллигентным боковым зрением, что подтвердило его лирический вердикт.

– Всё может быть, – задумчиво произнёс Дёмин, напевая про себя известный романс «Куда, куда вы удалились...»

Принеся «потребу», Лидка, слегка склонившись, будто опасаясь на пустынной улице чужого уха, шепн ула:

– Завтра опосля девяти в конце огорода, за старой акацией, калитка – оставлю незапертой, собаку пристрою подалее. Стукнешь три раза в заднее оконце. – И она, повернувшись, скрылась, заперев на засов калитку.

Скульптор ещё пару минут посидел, будто осознавая происшедшее, встал и бодрой походкой зашагал к себе.

«Это же надо!» – подумал он. А в голове снова звучали колокола, и под сердцем вдруг встрепенулась разбуженная птаха, словно уже отсчитывая время до того самого завтрашнего часа.

...И вот знакомый проулочек. Но по времени оставалось минут двадцать, была еще возможность собраться с мыслями. Что за дела? Чувствуя в груди давным-давно забытое, но неожиданно пробудившееся волнение, он зашёл за старую акацию, чтобы скрыться от лучей уличных фонарей. Его немного смутил тонкий серпик месяца с левого плеча. Лучше бы, конечно, с правого. Дурная примета. И тут ему вдруг захотелось соорудить букетик из осенних цветов, дубков, которые он приметил на противоположной стороне проулочка. Скульптор, слегка согнувшись, будто крадучись, шагнул туда. Но неожиданно под левой ногой оказалось что-то мягкое и скользкое, безупречно начищенная туфля вдруг поехала куда-то в сторону, и Дёмин еле удержал равновесие.

– Тьфу ты чёрт, будь ты неладно! – чуть было не матюкнулся он. – Вот тебе и молодик! Цветочков захотелось!

Он долго и тщательно очищал испоганенную обувь подзаборной травой, что-то ворча себе под нос в адрес бескультурных бурёнок.

Тут ему припомнилось, как в начале его поселения здесь, на хуторе, произошёл небольшой казус.

Его подворье граничило своей тыльной стороной с другим, где проживали мать с дочерью. Они были приезжими. Какая судьба занесла их на этот хутор, мы уточнять не будем, но, как и в любом небольшом селении, местные оставались нашенскими, а переселенцы никогда ими не становились. И хоть в открытую чужаками их не называли, однако таковыми они считались. И ничего тут не поделаешь. Как не наше семя, так не наше и племя – таков закон сельской глубинки. Они это чувствовали, поэтому, подчиняясь обстоятельствам, да и пространству – на краю хутора, вынуждены были жить практически особняком. И вот, когда в соседнем подворье поселился интересный, интеллигентного вида сосед, для женщин, не избалованных обществом, тем более мужским, это стало настоящим событием. Они по свойственной одиноким дамам логике посчитали, что новый сосед, по всем приметам тоже одинокий, не может не обратить внимания на прекрасный слабый пол, тем более исключительного выбора. Каких уж там они были нравственных устоев, судить негоже, но женщины, как одна из загадок природы, зачастую весьма непредсказуемы.

Они, естественно, ждали, что новый сосед нанесёт визит первым. Мать и дочь были на редкость схожи как комплекцией, так и кокетливостью. Возрастные различия оказались не столь значительны. А неосведомлённым и вовсе могло показаться, что они две подруги. Так бывает, когда мать и дочь коротают долгие годы вместе, без мужской компании, они становятся как близнецы. Даже грань родственных различий постепенно сглаживается. И когда рядом вдруг появляется «принц», они практически становятся равноправными соперницами. А здесь, на этом хуторе, чего ещё ждать? И когда скульптор по некой житейской надобности направил свои стопы в соседнее подворье, в стане «амазонок» произошло некое смятение. Женщины забегали, засутились и даже чуть было от суеты не столкнулись друг с другом, отчего халатики, в которых они как бы привычно для себя обитали на своём подворье, не то от лёгкого ветерка, не то от неловких движений, но всё же подозреваются – от мужского взгляда, вдруг широко распахнулись. Скульптор от неожиданности стал как вкопанный. Женщина-мать, видя, какой конфуз с обеих сторон произошёл, решила применить, что называется, наступательную тактику, авось сработает.

Импозантно отставив в сторону правую ножку, слегка прикрыв левой полой халатика центр симметрии своей фигуры, она выпалила:

– Ну чё, сосед, испугался? Выбирай!

Скульптор, обладая в характере немалой долей юмора, быстро оправившись от такого расклада, протянув театрально руки вперёд и воскликнул:

– О камышанские Афродиты!

И вдруг женщина-мать, заметив, что сосед вперил свой взор на фигуру её дочери, резко запахнув халат и мгновенно побагровев в лице, сорвавшимся голосом гаркнула:

– Вон со двора! И чтоб духу твоего больше здесь не было!

Женщина-дочь схватила мать за руку:

– Ты чего несёшь, мать?!

– А на что он намекает? Будто мы потаскушки какие!

– Мама, как не стыдно! Афродита – это же греческая богиня красоты! Что ты наделала! –

И дочь скрылась в доме.

А скульптор, не ожидавший такого невежества, махнул рукой и отправился к себе. Он мгновенно сделал вывод, что тут ему действительно делать нечего. И, теребя Сармата за уши, он вдруг громко расхохотался, отчего пёс засутился, захватив в пасть привычным движением свой любимый снаряд.

Сейчас, направившись к заветной калитке, скульптор вдруг остановился. Настроение было подпорчено. Но даже не это его озадачивало, а то, что всё это в жизни уже было и представляло обыкновенный банальный сюжет. Ведь между ним и Лидкой пропасть в целую жизнь и не меньшая пропасть в уровне интеллектуальных потребностей. Как художник, обладая определенной степенью образного, поэтического мышления, он понимал, что их интересы в лучшем случае пересекутся только на уровне обыкновенных жизнеутоляющих инстинктов. А что дальше? Он посмотрел на звёзды, молодой месяц уже скрылся из виду. Букет так и не соорудил.

Посмотрев на туфли, Дёмин махнул рукой:

– А, будь что будет!

Можно изменять тактику, но мужскую стратегию – никогда, потому что она олицетворяет самое главное – первичное мужское достоинство. Спасовал, значит, слабак, и всё т у т.

Скульптор тихонько постучал в окошко – тишина. Постучал громче. Тишину сначала нарушило дребезжание цепи из собачьей будки и окончательно разрушил залиvistый лай. Тут дверь скрипнула, и белое «привидение» увлекло скульптора в приоткрывшуюся чёрную прорубь низкой сенечной двери, высоту которой гость уже успел зафиксировать своим темечком. Однако все заскорузлости жизни сразу же сгладились, когда лицо приятно овеял неподдельно

знакомый с детства уют домашнего очага с его незамысловатым, но самодостаточным бытом, с бесконечно приятными запахами снеди на скрипучем столике, любовно накрытом белой, вышитой по углам скатёркой.

О Боже! Если в пространстве и бывают райские уголки, так это красный угол селянского жилища со смачными запахами вокруг накрытого стола, увенчанного заветным графинчиком. Скульптор, слегка прикрыв веки, повёл из стороны в сторону классической формы носом, и все сомнения по поводу визита враз рассеялись. Это как раз тот случай, когда ты оказываешься в нужный час в нужном месте. После холостяцкого убежища, бог знает сколько не ведавшего женской руки, тут было ну если не по-райски, то по-царски точно.

Хозяйка, видя благоговение гостя, зарделась, засуетилась. Да и было от чего.

«Таки видный мужик, хто бы мог подумать. Ай, ды не трэба нікому ні бачыць, ні думаць, бо зглазюць», – такие думки вихрем крутились в Лидкиной голове, пока она насыпала в миску горячую, в клубах пара картоху. И когда старинный казачий графинчик «благословил» две рядышком стоящие стопки ядрёным домашним первачком, всё пошло как по маслу. Закусывая казачьими разносолами, гость и хозяйка пока перекидывались простыми житейскими фразами, чувствуя, что эта разговорная тропинка непременно должна привести и к главному смыслу визита. Лидка уже настроена была на развитие «главных» событий, и этот настрой всё больше и больше щекотал внутреннее состояние приятными предвкушениями, в особенности после первой чарки. А гость тоже, уже освоившись и слегка разогревшись, крикнув от удовольствия после принятого вовнутрь, уже по-хозяйски благочинно «насыпая» в чарки новую порцию, вымолвил:

– Ну а сейчас я подымаю этот тост за Данаю!

Лидка чуть не поперхнулась:

– А энто ещё хто така?

Скульптор сразу не сообразил, что надо было сначала озвучить толкование по поводу её сходства с Данаей, тем более что это сходство по мере выпитого горячительного в его глазах становилось всё более явственным. Он даже решил сегодня же сделать с Лидки зарисовку для лепки эскиза из глины. И это его намерение всё больше утверждалось созерцанием её роскошной фигуры.

Его усы и брови после Лидкиного вопроса сначала стали домиком, затем растянулись в добродушную улыбку.

– А, ну дык это можно сказать... – Он запнулся, подбирая более доступное объяснение. – Ну, скажем так, богиня любви, только в постели.

Лидка уже исподлобья, с некой ноткой ревности, посмотрела и спросила:

– А ты шо, бачыв её, а можа, и спав?...

Скульптор обескураженно посмотрел на хозяйку и, взяв графинчик, сказал:

– А вот сегодня, может, и убачу и... – Он уже чувствовал, что при всём блеске начала общения всё может закончиться неадекватно. Его уже захватил её образ, и он по-другому не мог: сначала творчество, а потом любовь.

Дёмин наполнил стопки и сказал:

– Ты, Лидка, сейчас для меня как Даная, и я тебя должен нарисовать обнажённой, а потом всё остальное.

– А шо цэ такэ – обнажоною? – с подозрением спросила Лидка.

– Ну дык по-простому, как в народе говорят, – голой.

– Да ты сказывся, ти шо, ни в жисть такого нэ будэ. Шоб люды обсмияли, як убачуць твою скульптуру.

Брови и усы скульптора снова стали домиком. Он почувствовал, что становится неинтересно, несмотря даже на горячительную зарядку.

Он молча хлопнул чарку, закусил хрустящим огурчиком и сказал:

– Я тебя благодарствую, дорогая хозяйюшка, за хлеб-соль, очень вкусно всё было. Слышишь уже вроде первые петухи запели? Ты же сама сказала, чтоб я с первыми петухами выходил, а то люди скоро на утреннюю дойку будут идти. – И он направился к двери.

– А може, у други раз, дык приходи... – уже виновато промолвила Лидка, сожалея, что не поняли они друг друга.

– Спасибо, Лидка, как говорится, убачымся, – только и сказал скульптор. Настроение у него было примерно как после того инцидента с соседками.

Он направился к своему дому. Чувство было такое, будто он шёл не из гостей, а снова куда-то, от кого-то или от чего-то убегал.

2. Туман

Внутри организма происходило нечто непривычное для сознания, и в то же время уверенность в себе держала под контролем необычность ситуации. Он чувствовал, что может совершать то, что существенно отличает его от остальных. Это превосходство в данный момент вселило в его сущность позитив эмоций сочувствия, жалости, восторга и любви ко всему, что его окружает.

Сконцентрировав в себе волевые качества где-то в районе солнечного сплетения, Демьян обрёл некое подобие силового энергетического поля. Одновременно в груди он почувствовал нарастание упругой волны, подхватывающей его организм, уже начинающий ощущать удивительный эффект невесомости. Вопреки всем законам гравитации, его ноги отделились от земли, руки легко разошлись в стороны подобно крыльям, и он самым необычным образом воспарил над землёй. Мысленно определяя траекторию, усилием воли Демьян поднимался всё выше и выше. Внизу, задрав головы, за его полётом с удивлением наблюдали люди, кто-то кричал, кто-то махал руками. В этой толпе он вдруг отчётливо увидел своих детей. Они тоже что-то восклицали, протягивая к нему руки. Но самое удивительное, что среди них была и старшая дочь от первого брака. Она безмолвно, слегка покачиваясь, улыбалась, посылая правой рукой приветственный жест отцу. Но ведь она год назад умерла от рака, и у Демьяна сжалось сердце не то от удивления, не то от радости при виде неожиданного воскрешения дочери. Он попытался развернуться в полёте, чтобы приблизиться к ней, но вдруг его внутреннее энергетическое состояние утратило свою силу, и он начал падать. Падал долго и мучительно, пока не очнулся в холодном поту.

Он ещё некоторое время лежал под впечатлением сна. Полумрак, низкий потолок старого куренька и глухая гнетущая тишина вдруг сразу навалились и казались особенно тяжкими после свежих ещё ощущений полёта во сне. Демьян долго ворочался с боку на бок, наконец, глубоко вздохнув, сел на кровати и сунул ноги в лодки утеплённых резиновых галош. Затем, встав, шагнул к светлому проёму маленького окошка, наклонившись, посмотрел, однако ничего не увидел, кроме плотной пелены сизо-ртутного оттенка тумана, поглотившего весь предметный мир вокруг. Было уже за полночь. Он машинальным движением зачерпнул жестяной кружкой из эмалированного ведра. Воду жадно выпил звучными глотками. Благодаря уличному освещению полной тьмы не было, но и свет был каким-то неестественным, будто застывшее желе. Туман этот уже трое суток накрывал пространство непроглядной сырой взвесью. Рассветы и сумерки как-то незаметно приходили и уходили, и казалось, что время тоже растворялось в этом сером мареве. Время и пространство слились в непостижимую субстанцию некой бесконечности и безысходности. И лишь биологические часы у людей и животных еще определяли режим их жизненных функций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.